

Катя Че

СМЕРТИ НЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КАТЯ ЧЕ СМЕРТИ НЕТ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43652058

SelfPub; 2023

Аннотация

Если жизнь – поток времени, то книга – поток слов. И то, и другое вроде имеет свои истоки, свои берега и вливается, в итоге, в одно бескрайнее что-то там... Возможно. В этой книге ничто никуда не вливается, всё так и остаётся в уме автора. И все её слова, описывающие героев – Марту, сеньора Д., их кота, их гостей – не больше, чем повод увидеть этот самый ум. Как, впрочем, и все наши жизни с нашими реками, истоками, берегами и бескрайним чем-то там. Содержит нецензурную брань.

КАТЯ ЧЕ СМЕРТИ НЕТ

«Марта! Марта! Ты заботишься и хлопочешь о многом, нужно же только одно» Лк 10:41

Martha my dear...

До встречи с Мартой я и не думала, что буду называть кого-то по имени так часто. Имена сейчас настолько мало рассказывают о людях, что при общении становятся более чем условной единицей. Обращение к знакомому содержит всё что угодно, только не имя, – междометие эй, глаголы послушай, смотри или знаешь, прилагательное милый или дорогой, уменьшительное существительное вроде солнышка, зайчика или котика. Чем милее, солнечнее или котичнее человек, тем труднее мне произнести его имя, настолько лишним оно кажется. Да-да-да, все эти психологические тонкости и поглаживания человека звуками его имени, про них говорят, ну и пусть говорят. Я не говорю любимым людям их имена. Почти. Разве что иногда, чтобы утешить психологов.

Марта же с языка не сходит с тех пор, как снизошла и рассказала. Не сходит, потому что подобна мантре, а мантра говорит и рассказывает, и сливается с сердцем... словом, действие книжки занимает год с небольшим – избитая схема, и

совершенно напрасно избитая, с ней бы деликатно надо, это же основа основ, – но чередование годовых циклов в случае Марты запросто может вписаться в один день, а то и в один час, а может растянуться на несколько космическо-мистических эонов. Мне было необходимо выразить в словах, одно за другим, то, что происходило в течении всей моей жизни и оставило следы, подобные морозным узорам на окне. Именно эти узоры и пытаются рассказать о сомнениях и любви, о поисках и вдохновении, об удивлении и тоске. Десять тысяч слов. Не знаю, чего оказалось больше – вероятность обретения счастья вряд ли зависит от набора эмоций, которые принято называть внутренним миром. Тем не менее, эмоций этих оказалось вполне достаточно, иначе я вряд ли решилась бы наконец написать такую длинную историю. Пороху не хватило бы. Наверное, это всё. А теперь всё остальное.

1. Отрицание (срочное сообщение)

Однажды происходит совершенно замечательная вещь: исчезает прошедшее время. То есть, его и так нет. Как не бывает летом прошлогоднего снега, но что-то где-то в поговорках, в чувствах, в холодильниках... Вот и с прошедшим временем так: оно как бы больше не глава семьи, сместившись на роль семейного приживалы, забавного, но не опасного. Все его терпят, как привычную картинку на стене, но никто и не думает следовать направлению его увядающего указателя. Живут так, как подсказывает календарь, термометр, са-

мочувствие и запасы сердечного тепла на ближайший вечер. Надо ли что-то ещё?

Следующий! Эй, стоп, кто следующий, что должно последовать, что было до этого? Связь слов и событий категорически блекла, разглядеть что-то, а тем более дотянуться, становилось всё труднее с каждым вдохом, и наконец окончательно невозможно. Напоследок подрожав радужными стенками, всё тихо исчезло, будто и не было.

Марта разминала затекшие со сна губы: в марте смартфоны сморщатся мрак и мурчание в обществе. Ничего себе. Шипящие выходили с присвистом, немного по-змеиному. Не слишком привлекательно – женская змеючность. Угроза за пазухой. Удушающее кольцо. Отравляющая страсть. Змея вместо кота. Пока хладнокровие борется с пушистостью и «вместо кота» бетховенской темой судьбы патетически подняв брови отражается от стен, заглянем в календарь событий. С чего бы – ничего не предвещало, не предмурчало, однако чувство потери непонятно чего не оставляло. Как можно остаться без прошедшего времени? Ладно, история, к её исчезновению подготавливают все источники информации так, что первый же апокалипсис станет всего лишь лёгким дежавю; ладно, знакомые люди, они как отработанный материал автоматически отправляются в никуда. Но как же опыт, навыки, ошибки, в конце концов... бред какой-то. Военно-психиатрические эксперименты стирания личности зачастую гуманнее йогических практик: в первом случае стра-

дают лишь подопытные, а во втором есть риск избавиться от страданий всем абсолютно, а это уже реальная угроза человечеству. Кто мы без страданий? Куда идти, зачем? Не знаю. Так бывает в сумрачный день, всё, всё, не настаивай, ну, приснилось что-то. Ты есть только сейчас, больше тебя нет и не было, что тебе до этих странных документов вчерашних дней? Это о ком-то другом. Новый день, новая весна.

Такая весна, такая весна! Не весна. Невесть что. Невеста сумрака, любовница солнца, дочь стужи, сестра грязи, будущая мать нелепых чаяний – какие могут быть варианты, конечно мальчик. Мать рождает мальчика, иначе не бывать роду, не бывать году. От кого успеет понести, таков и год. Год забирает жизни. Девочки приходят потом, девочки, баснословно богатые жизнью приходят потом и дают её, и отдают её. Как могут, как умеют.

Последнее финальной кодой вырвалось наружу, когда Марта вошла на кухню, успев перед этим привести себя в порядок – что-то там наколдовать с растяжками, подтяжками, вдохами и выдохами, с холодной и тёплой водой, с разными кремами, масками и красками, после чего, по её мнению, лицо можно было выводить в свет без опасения потерять. Лицо, укреплённое конкретными чертами, обрамлённое причёской, такое, что увидишь и оставишь в памяти, – сотни крючков и у каждого перед глазами свой образ. Хоть Губка Боб, хоть белокурая невинная Эн, хоть страус Эму. Хорошо, давайте на этот раз будет полногрудая рыжая бес-

стыжая с вьющимися выше ушей локонами, острыми скулами, острым носиком, ясными глазами и подвижным ртом, то и дело усмевающимся правым уголком. Впрочем, усмехаться в ней могло всё – от бровей до кончиков пальцев. Всё – чтобы суметь ответить на любую внезапность. Всё – чтобы найтись, когда понадобится. Если подведёт чувство такта, то будет хотя бы тактика. Что для этого приходилось проделывать мужчинам, Марта остерегалась даже представить – помыслишь, и увлечёт, и затянет, и вот уже подстригаешь бороду, всё топорщится, всё криво, дырка на носке, никуда не пойду, жизнь прошла зря... То, что мужчины могут просто оставаться в покое и довольстве, не допускалось ни в каком из вариантов – женщины не дремали. Или дремали по очереди. Конечно, у мужчин была ещё стратегия Благородного Мужа, в иные времена пользовалась популярностью – никаких Недремлющих Женщин и в помине при ней, но... Но она требовала ежедневной тренировки, времени на которую не было ни у кого, разве что у сеньора Долбреса. Тот же, по мнению Марты, зачастую манкировал этой стратегией, хотя мог бы. Что до остальных – остальные пусть живут, *как умеют*. Ещё раз: как умеют. Хорошо. Стираем из памяти страха. Рыжую оставляем.

Сеньор Долбрес посмотрел, немного шурясь от утренней дымки, сделавшей вдруг комнату, а через неё и весь мир похожими на аквариум, но ничего не сказал. За окном проплывали сумрачные одиночки на свою будничную охоту, уже

сейчас придумывая однообразно-оттяжные способы поглощения своего персонального мамонта на выходных. В противоположную сторону вели полусонных детей питать жидкой муниципальной кашкой, играть обгрызанными предыдущей детворой кубиками. За окном явно недоставало кубика солнца, что всегда сказывалось на настроении сеньора Долореса. Марта, не столь чувствительная к таким изменчивым материям, как погода, политика и коммунальные цены, терпела, не находя ничего увлекательного в нейронных забегах наперегонки: побузят, побузят и сами же забудут, едва наткнутся на новый раздражитель. Нет, жить рядом с сеньором Долоресом было бесконечно интересно, кто бы спорил, только вот за него жить она не подписывалась. Ей самой себя было с избытком.

Тоже молча – да не вопрос – поставила перед ним чайник со свежезаваренным улунским напитком: чай, мёд, молоко, конусообразную чашку с иероглифами на боку – не мой, там не грязь, там патина – не мыла из последних сил – и пошла к себе, уже по дороге совершенно забыв, о чём, собственно, хотела поговорить, кто, собственно... Марта любила детали. Марта любила детали и их *понимание*.

Кот сидел на обычном месте, пялился в окно и по мере приближения Марты лишь раз шевельнул ухом. Ещё один, и тебе доброе утро, солнышко. Солнышко был слишком увлечён приросшим к карнизу голубем, который со своими колышающимися на ветру перьями, со своими зрачками, утоплен-

ным в янтарь, со своей цветастой цыганской шейкой выглядел невинным, аки актиния. Когти уже пульсировали вовсю, хвост напряжённо отстукивал срочное сообщение в центр, голова занималась когнитивными вопросами, время струилось параллельно, утренний свет расчёсывал его на невесомые пряди, будущее было слишком рядом, прошлое чересчур далеко, и не было никакого смысла в том, чтобы думать о них.

Стоп. Снято. Десятый дубль отрицания бытия вышел таким же паршивым, что и предыдущие. Было – не было. Словно считалочка. Словно счёт в банке. Смысла вообще нигде, кроме как на микро– и макроуровнях, не наблюдается, есть лишь умение и неумение жить. Умение принимать жизнь, осуществлять и прощаться с ней. Умение воспринимать и понимать. И освобождать других от своего понимания. И всё. Но до этого ещё репетировать и репетировать, – мы переросли, но не доросли, поэтому вновь получилось привычно, по-человечески, бессмысленно – с прошлым, будущим и котом. Вечером ожидались гости, спасибо сеньору Д.

О гостях Марта мечтала с прошлой весны. Да, предупреждаю, во всех местах, где по ритму и текстовому сопротивлению следовало бы вставить пассаж с рассуждениями о дожде, ветре, пейзажах или эстетике безобразного, пассаж, расслабляющий внимание как не связанный с нами процесс, будут исключительно пейзажи нашего сознания, безобразного или нет – зависит от вашего настроения. Стало быть, о гостях

Марта мечтала с прошлой весны. Казалось бы, что невозможного, но оказалось, что с этими суевериями, с этим недоверием нужно работать и работать, и только тогда люди сами потянутся. Стоит лишь создать условия. Стоит лишь создать себя заново. В ящике стола нашла конспект какой-то стародавней лекции, рисунки, много чего ещё – словно трофеи игрушечной войны. О, в то время она сильно увлеклась психологией, а потом рисованием, а потом влюбилась в разгильдяя и начисто разлюбила систематическую учёбу – вспоминала лишь под настроение, под него же и записывала, на ходу переводя язык предмета на свой, чтобы хоть вкус почувствовать. Теперь заглядывает, а может подглядывает в эти замочные скважины заброшенных домов. Не ради текста, а ради какого-то заклинательного эффекта – все эти знаки прошедшего имеют странную способность удостоверять нас в настоящем, мол, да, вот я, и не только в этот миг, а и тогда ещё, я прожил из пункта А в пункт Б, за это мне что-то положено... ой, лучше не смотри, води с собой толпу своих бывших, если так нравится, но не смотри, носи с собой белую лилию, когда-то подаренную, но не смотри, веди себя, как идиот, но не смотри: она тебя съест. Тем самым местом, что на полях конспекта наспех прочерчено тайным знаком – сперва фантазийно, потом по памяти. Очень уж про гостей было бесчувственно. Суховато как-то было про гостей, оставалась жажда чего-то такого, «... потому что как клетки организма, так и люди не могут прожить без обмена друг с другом хотя бы приветами,

а порой и чем-то большим. Особенно в городских условиях. Особенно в условиях мгновенной сетевой доступности всего и всех. Гостевание как часть жизненного процесса постепенно стало его сутью. Вынужденная оседлость и ментальная гиподинамия, причиной которых послужила волна комфорта, как нашествие варваров лишившая горожан древней культуры естественного выживания, отзывалась вспышками неясных желаний чего-то такого. Неудовлетворённость росла, опережая новые и новые предложения. Чем тоньше и качественней было их наполнение, чем призывнее упаковка, тем невыносимей становился зуд потребностей...» В этом месте на половину страницы было до дури непристойных рисунков, не вполне замечательных, но, хм, развлекли, и дальше, быстрым расхлябанным почерком с пометками «sic!» на полях: «... и тогда приходит некий чувак – никто его не видел, но все краем уха что-то где-то зацепили – приходит без всяких там прав рекламы, всплывающих окон и тому подобного <нрзб>, разумеется, странное имя, исполненный очей и прочих частей тела, кружевные манжеты, лютня, весь в чёрном, все дела, пальцы в перстнях и перчатках, в общем, никаких сомнений, – народ подкованный, начитанный, насмотренный и поднаторевший в знаках, – сразу признали. Приходит и говорит: гостите и угощаемы будете! Разумеется, все смекнули подтекст – кто же станет прямо говорить, и такие, – а ведь да, всё мимолётно, чего это мы. И действительно стали ходить в гости, – кто сублимировал невозможную страсть к

путешествиям, кто искал впечатлений, кто хотел впечатлить, кто просто ходил пожрать. О выходе за пределы своего я как возможном подтексте почему-то речи не возникало. Бодхисаттва с лютней не мог сделать такой ляп, а на провокации горожане больше не велись, после такой-то зимы. Последнее Я догорало в нарисованном камине на чьей-то стене. Такой последний звоночек...»

Марта не сразу услышала звонок в дверь.

– Класс! Тащите всё на кухню, присаживайтесь куда захотите, займитесь...

– У тебя змеи? А у нас ёжики.

– Одна. Во рту. Никак не угомоню. Ёжиков оставляйте при входе.

– А где кот?

– Набит перьями, не для гостей, это слишком личное.

– У нас без кота слишком незанятые руки.

– Тащите всё с кухни и откуда захотите, займите их.

Рассаживались, разбрелись, вновь сходились. Всем было немного в новинку, и одновременно странно легко, словно бы освободились от чего-то, что давно срослось с их жизнью и не чувствовалось, но вот исчезло – и сразу стало так много воздуха, так много пространства, так много вре... Вру, времени никогда не много. Время всего лишь способ симбиоза сознания с тем, во что оно вляпывается. Так вот: здесь симбиоз был взаимовыгодный. Никакого насилия, никто не косился, не одёргивал, никто не тревожился и не подсчиты-

вал, никто не сравнивал и не боялся. Все были словно во сне. Или в младенчестве. Или в посткоитальном трансе. Ах. Мерзкое зрелище. Мерзкое, потому что насквозь фальшивое, на один раз, а дальше как прежде плюс жирная доза снобизма... – О, кот пришёл! – все добродушно потянулись к коту, кот равнодушно позволял. После дневной дрёмы он всегда был довольно скептичен к миру, явно считая, что недополучил. Когда он вышел к гостям, ожидание процентов в его глазах сверкало и звало зеленовато-жёлтым, но никто не кидал монетки счастья в прорези зрачков, напротив, искали его, на ощупь процеживая кошачий мех. Ничего, учитель не раз говорил: перестал беспокоиться – уже победил. И кот, выбрав колени понадёжнее, привычно завёл своё омп-омп-омп, погружаясь в покой всё глубже и глу

Говорили по очереди, не перебивая. Марта слушала. Интересны были все – шумные, тихие, велеречивые, косноязычные, зажатые и разнузданные. У всех была своя тайная комната – именно она интересовала больше всего. Глупости не было. Глупость появляется, когда мы не принимаем кого-то. Сама по себе глупость такая же валюта, которая, как и всяческие добродетели, нужна при оценке необходимого тебе. Глупая птица! – пробурчит какая-нибудь девочка, разбуженная не в срок. Девочке не до птицы, а птице не обидно, просто люди лучше всего понимают язык торговли. У нас даже молчание – золото. Марта же больше любила язык птиц. Марта принимала гостей. До тех пор, пока они сами

себя принимали – ни минутой больше.

В этот раз увлеклась, распереживалась что-то, входила в историю, как в течение реки и прошлое проносилось, омывая ступни её, поднимаясь до чресл её, а под грудью бурлило самое что ни на есть настоящее. Ещё один рассказ и знакомое ей становилось объёмным, показанное с другой стороны, приобретая вес и плотность, будто удостоверенное ещё одним сердцем.

Одна, зажатая, отвергнутая, найдя наконец аудиторию, молотила словами, как пойманная рыба хвостом о землю, – вытащенная из привычной немоты. Сеньор Д. старательно записывал за каждым, – проще потом будет чертить маршрут. Марта их раскрывала, сеньор Д. вынимал суть и проводил потом, пока сами не начинали видеть путь. Да, так на чём я... сверюсь с тетрадкой сеньора Д.

Женщина-рыба говорила быстро, скрипуче, скомкано, так, что лист приходилось расправлять, чтобы прочесть:

Каково это – остаться с одними лишь воспоминаниями? Что за настроение? Что за невесть что, хватит уже невеститься, пора становиться хозяйкой положения. Положи себя хоть на кровать, говорит, положи и забудь, и читай себе вслух, и читай себе энэ бэнэ раба хотя бы, чтоб наконец выйти, чтоб наконец выйти, вылупиться, продолжиться без оболочки, как есть. Как человек, читавший стихи из помятой тетрадки, стоя в переходе. Никто не слышал, никто не слушал, но он читал, он чувствовал, а что чувствую я? – в этом месте

на полях пометка синим, непристойный знак какой-то, скорее всего, латинский термин. – Потеря – ничто, пусто, зеро. Все чувства проваливаются в эту дыру, и мир выворачивается наизнанку, в минус-мир. Ты живёшь в нём, постепенно осваиваясь, на вопросы «ты как?» справедливо киваешь в ответ «никак» с достоинством. Ты уже королева никак, ты уже властелинша никак, в твоих руках – избавление всех, попавших в поле зрения. Если не подпускать к дыре, если заговорить, отвратить, отменить, отженить, осенить...

Ить-ить... ить-ить. Кот мешком скатывается с жестикулирующих коленок. Марта хватается за голову, – больше не принимается, место закончилось, вес слишком велик. На сегодня хватит страшных историй, слышите, хватит ваших страшилок. Второй круг уже, одно и то же, одно и то же. Припудренное старьё с нарисованной слезой. Даже в темноте не обмануться. Право же, античные анекдоты в современном пересказе становятся не свежее, чем накрасившаяся старуха. Хватит на сегодня зомбировать мозжечки рассказами, держите ёжичков порознь, пора по домам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.